

Глава 8

Политические системы диктаторского типа

Суть политической системы диктаторского типа выражает сам термин "диктатура", который происходит от латинского слова *dictatur*, означающего "неограниченная власть". Под ней понимается форма правления, при которой власть сконцентрирована в руках одного человека, группы лиц, клики или партии и отсутствует всякий контроль со стороны управляемых. Диктатура — это монархия, которая в важнейших аспектах политической самоорганизации общества является антиподом демократии. Диктаторские режимы при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии. Не допуская или существенно ограничивая оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с одним безальтернативным кандидатом, где результаты заранее известны. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал и т.д.

8.1. Типологизация диктаторских систем

Диктатура, равно как и демократия, воплощается в жизнь в различных формах, ее можно обнаружить во всех цивилизациях и исторических эпохах. Уже в древнейшие периоды истории. Как на Востоке, так и на Западе существовало множество форм тирании, деспотии, олигархии. Не углубляясь в историю, отметим лишь, что теории абсолютизма, элементы которой присутствуют в диктаторской форме власти, возникли в XVI в. в связи с Попытками европейских народов создать самостоятельные национальные государства, независимые от римского папы и Священной Римской (Германской) империи. Они приняли форму юридически-правовых идей государственного суверенитета, разработанных легистами короля Франции Филиппа Красивого.

Большой вклад в разработку теории суверенитета внес Ж.Боден, который предложил ряд конкретных мер для укрепления единоличной власти короля. Сторонниками неделимой абсолютной власти короля-суверена выступали каждый со своих позиций (Боссюэ, Т.Гоббс, Р.Филмер и др.) Их идеи легли в основу теории абсолютной монархии, которая пришла на смену ограниченной монархии. Наиболее типичные примеры стран с абсолютной монархией: Франция Людовика XIV, Пруссия Фридриха Австрия Иосифа II, Россия Екатерины II в XVIII в. В дальнейшем термин "абсолютизм", который не имеет точного смысла, стал применяться для обозначения всех сие правления без представительных институтов или конституционных ограничений. Хотя он нередко используется в качестве синонима тирании или деспотизма, термином "абсолютизм" обозначают государственные режимы начала Нового времени. Его аналогами стали в XIX в. понятия "бонапартизм" и в XX в. "тоталитаризм" и "авторитаризм". В наши дни для политических систем диктаторского типа существуют характерные формы: авторитаризма и тоталитаризма. Под последним, как правило, подразумеваются те политические режимы, которые существовали до конца второй мировой войны в гитлеровской Германии и Италии, а также вплоть до последнего времени в СССР и странах Восточной Европы, Китае и ряде других стран третьего мира. Что касается авторитарных режимов, то диапазон их распространения довольно широк, а число их в настоящее время весьма велико, особенно в третьем мире.

Обладая важнейшими характеристиками диктатуры, авторитаризм и тоталитаризм в ряде аспектов существенно различаются. Так, для *тоталитаризма*, как будет показано ниже, характерны полное слияние в единое целое общества и государства; общества, государства и партии; их вместе и единой идеологии; экономики, политики и идеологии и т.д. *Авторитаризму* также присущи доминирование государства над обществом, примат исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями. Но здесь такое доминирование не приобретает жесткость и всеохватывающий характер, которые типичны для тоталитаризма. Авторитаризм использует слабость и неразвитость гражданского общества, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. При нем сохраняются значительная степень самостоятельности экономики, плюрализм социальных сил. Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. Допускается разграничение между светской и религиозной, личной и публичной сферами жизни. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Допускается "дозированное

инакомыслие". Сохраняются классовые, сословные, клановые, племенные различия. Если средоточием власти при тоталитаризме является партия, поглощающая государство, то при авторитаризме таким сосредоточием является государство. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нередко означает смену политического режима без радикального переустройства экономического строя. Переход тоталитаризма на рельсы демократизации предполагает коренное изменение всей общественной системы.

Существует множество типов авторитарных режимов. В основном эти режимы распространены в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки и редко в капиталистических странах (Испания, Португалия, Греция до антидиктаторских революций середины 70-х годов), отстающих в своем развитии от главных индустриальных стран. Здесь выделяют традиционные авторитарные режимы олигархического типа и гегемонистский авторитаризм новой олигархии. В первом случае власть сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств, которые контролируют экономическую и политическую жизнь страны. Смена лидеров, как правило, происходит в результате переворотов, закулисных договоренностей или манипуляций с выборами. Такие режимы характерны прежде всего для Латинской Америки, где господствующая олигархия тесно связана с католической церковью и военной верхушкой. Авторитаризм новой олигархии вырастает в результате выдвижения на господствующие позиции национальной компрадорской буржуазии, которая устанавливает тесные связи с военными. Типичными примерами этого типа являются режимы Камеруна, Туниса, Алжира и др. Во многих развивающихся странах установлены (как правило, путем военных переворотов) режимы военной диктатуры. Здесь в большинстве случаев армия служит главной опорой государства. Этот тип режимов представлен военной диктатурой А.Пиночета в Чили, установленной в сентябре 1971 г., и режимом "черных полковников" в Греции, установленным в середине 60-х годов и существовавшим до 70-х годов.

В современном мире существуют также режимы, которые являются монархическими по форме, но авторитарными по содержанию. Они основаны на принципе наследования власти. Но в отличие от европейских монархий, которые по сути дела превратились в демократические парламентские режимы, восточные монархии в большинстве своем придерживаются основных принципов авторитаризма. Различаются монархии теократические, такие как в Саудовской Аравии, где король является одновременно светским и религиозным главой государства, и светские монархии типа хашимитского королевства Иордания, где формально глава государства не ведает вопросами веры.

Авторитарные также различаются большей или меньшей жесткостью, или "либеральностью", в организации властной вертикали. Например, военно-политическая диктатура А.Пиночета в Чили отличалась от авторитарного режима Чон Ду Хвана в Южной Корее более откровенной опорой на репрессивный аппарат, большей интенсивностью террора и подавления и т.д. Следует отметить и то, что во многих странах развиваются мира политическая организация не достигла системной целостности, поэтому не имеет четко выраженной дифференциации между различными режимами. Преобладают смешанные промежуточные режимы, вроде тех, которые В.Г.Хорос М.А.Чешков называют демократическим авторитаризмом или авторитарной демократией.

В данном случае речь идет прежде всего о так называемом авторитаризме развития в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где процесс разграничения гражданского общества и подсистемы политического отнюдь нельзя считать завершенным. Политическая модернизация с уклоном на профессионализацию, демократизацию, разделение властей и т.д. идет очень медленно и с большими трудностями. Авторитаризм развития, который проявляется как закономерное национальное и региональное явление, постепенно эволюционирует в сторону демократии. Для него характерны тенденция к диктатуре и использование силовых методов, а также другие особенности политического авторитаризма. Вместе с тем, как отмечают В.Г.Хорос и М.А.Чешков, "он поддерживает институт частной собственности, опирается на определенные слои, нуждается в их поддержке и поэтому в известной степени готов их "выслушивать". Таким образом, авторитаризм развития совместим с элементами либерализма: политическими партиями, правовыми нормами и даже относительно "вольной" прессой. В то же время и экономическая политика, ориентированная на развитие, создает предпосылки для расширения этих тенденций: развиваются рыночные отношения, предпринимательские структуры, элементы гражданского общества и пр. [76, с. 38].

Иначе говоря, авторитаризм развития содержит в себе потенции демократии, которые получают все более заметный импульс по мере усиления экономической модернизации.

Существуют некие гибридные режимы, в которых органически сочетаются элементы тоталитаризма и авторитаризма. К ним, как правило, относят франкистский режим в Испании и

салазаровский в Португалии, просуществовавшие с 30-х годов до демократических революций середины 70-х годов. Так, португальский режим, хотя не принимал парламентаризм, тем не менее претендовал на обеспечение независимости различных групп общества, их представительство иными, нежели парламентскими, методами. Провозглашалось, что, не допуская соперничества партий за власть, правительство вместе с тем действует в рамках закона, нравственности и религии. Более того, этот режим стремился (во всяком случае на словах) избежать отождествления общества с государством. Здесь отсутствовала государственная партия. Признавались различия на уровне семей, профессиональных групп, регионов и т.д. Единство обеспечивалось сильным, но не безграничным в своих прерогативах государством, франкистский режим занимает промежуточное положение между португальским и чисто фашистскими режимами в Германии и Италии. Подобно первому, он опирался на традиционалистскую философию и поддержку церкви. В то же время ему были присущи некоторые элементы фашизма, например фалангистское движение, сходное с фашистским движением в Италии. Помимо фаланги режим Франко принимал такие организационные группы, как церковь, армию, профсоюзы. Но ни одна из них не рассматривалась в качестве исключительной опоры государства. Поэтому М.Дюверже совершенно справедливо называл португальский и испанский режимы псевдофашистскими.

Все это убедительно свидетельствует о том, что в XX в. важнейшие признаки политической системы диктаторского типа в более или менее чистом виде проявились в тоталитарных режимах. Ниже анализируются важнейшие компоненты и сущностные характеристики политической системы тоталитаризма.

8.2. Типологизация тоталитарных режимов

Термин "тоталитаризм" происходит от позднелатинского слова *totalitas*, означающего "цельность", "полнота". Он возник и получил распространение в 20-е — 30-е годы и использовался для обозначения политических систем в фашистской Италии, нацистской Германии и большевистском СССР. Одним из первых этот термин использовал итальянский автор левой ориентации Дж.Амендола, который в своей речи 20 марта 1924 г. заявил, что Фашизм, как и коммунизм, представляет собой "тоталитарную реакцию на либерализм и демократию". В либеральном журнале "Ринашита либерале" 5 января 1925 г. выборы, состоявшиеся в Италии в апреле 1924 г., были охарактеризованы как *totalitare e liberticide*, т.е. тоталитарные и губительные для свободы. Чуть позже официальный фашистский теоретик Дж.Джентиле говорил о фашизме, как о тотальной концепции жизни. Часто использовал этот термин Б.Муссолини, который называл свой режим не иначе как *lo stato totalitario*, т.е. тоталитарное государство. Что касается А.Гитлера и его приспешников то, они, во всяком случае первоначально, при характеристике своего режима предпочитали использовать термин "авторитарный".

Тем не менее в "Энциклопедии социальных наук" 1933 г. этого термина. В дополнительном томе Оксфордского словаря английского языка (1933) впервые упомянуто слово "тоталитарный" из апрельского номера журнала "Контемпорари ревью" (1928), где, в частности, говорилось [127, с. 106]: "Фашизм отрицает, что он выполняет свои функции как тоталитарный режим и вступает в избирательную сферу на равных со своими противниками". Постепенно в демократических странах Запада этот термин получает все более широкое применение для обозначения сущности фашистских режимов в Италии и Германии, а затем и большевистского режима в Советском Союзе.

Впервые этот термин был распространен на СССР, по-видимому, в ноябре 1929 г. английской газетой "Таймс", которая в одной из своих передовых статей писала о реакции против парламентаризма в пользу "тоталитарного" или унитарного государства, как фашистского, так и коммунистического. Нападение гитлеровской Германии на СССР и вступление последнего во вторую мировую войну заставили западных авторов несколько смягчить свои оценки советского режима и направить острие критики главным образом против фашизма и нацизма. Во время войны "тоталитаризм" служил для них в качестве обобщающего понятия для характеристики фашистского и национал-социалистического режимов и их разграничения с советским социализмом. С началом холодной войны на Западе коммунизм снова стали рассматривать как разновидность тотальной идеологии, а советское государство — как тоталитарный режим. Ныне в научной литературе большинство авторов придерживается тезиса, согласно которому в политической системе тоталитарного типа выделяются фашистский и национал-социалистический режимы в Италии и Германии на правом фланге идейно-политического спектра и большевистский в СССР на его левом фланге. При этом необходимо отметить, что

тоталитаризм отнюдь не является неким монолитом, между его отдельными режимами имелись существенные различия.

Такие различия прослеживаются как между большевизмом фашизмом, так и внутри последнего. Так, *фашистский* режим в Италии руководствовался теорией верховенства государства, а национал-социалистический — теорией верховенства нации или нации - государства.

Итальянский режим отличался стремлением сохранить традиционные структуры, показателем чего служат, например, так называемые Латеранские соглашения (1929), заключенные между Б.Муссолини и Ватиканом и регулировавшие отношения между католической церковью и фашистским режимом. Для режима Муссолини были характерны меньшая концентрация и абсолютизация власти. Наряду с фашистской партией значительным влиянием в стране продолжали пользоваться военные, аристократия, церковь, государственная бюрократия. продолжал функционировать, правда чисто формально, сенат. Парадокс состоит также в том, что Италия оставалась монархией. Муссолини время от времени направлял отчеты королю Виктору Эммануилу III. Итальянский фашизм отличался также меньшими, чем в Германии, террором и репрессиями.

Учитывая эти факторы, можно утверждать, что сущностные характеристики правой разновидности тоталитаризма в наиболее завершенной форме воплотились в германском национал-социализме. Для нас, россиян, более актуален и в то же время болезнен вопрос о соотношении большевизма и национал-социализма. Этот вопрос существует, и его нельзя игнорировать, ибо историю своей родины со всеми ее достижениями, неудачами и зигзагами нужно знать, чтобы извлечь из нее соответствующие уроки. Многие авторы уже в 20-е — 30-е годы отмечали определенные черты сходства в методах политической борьбы, захвата и реализации власти фашистов и большевиков. При всей сложности и спорности этой проблемы приходится констатировать, что фашизм и большевизм имеют точки как соприкосновения концептуального и типологического характеров, так и расхождения.

При традиционной типологизации фашизм и марксизм-ленинизм располагаются на двух крайних полюсах идейно-политического спектра. Не случайно, что они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть вследствие изначальной несовместимости их идеологий. Здесь достаточно упомянуть такие дихотомические пары, как интернационализм — национализм, теория классовой борьбы — национально-расовая идея, материализм — идеализм и т.д., которые определяют противостояние марксизма-ленинизма и фашизма. Если в марксизме-ленинизме в качестве главно-теоретического и аналитического инструмента трактовки мировой истории брался класс, то в фашизме в качестве такового служила нация. Первый отдавал моральный и теоретический приоритеты концепции класса, а второй — концепции нации и даже расы. В результате место марксистских понятий "прибавочная стоимость" и "классовая борьба" в национал-социализме" заменяли понятия "кровь" и "раса". Если марксизм-ленинизм придерживался материалистической (а зачастую экономико-детерминистской) интерпретации истории, то для фашизма характерны антиматериализм, иррационализм, мистицизм и убеждение в том, что духовные начала, честь, слава и престиж составляют могущественные цели и мотивы человеческого поведения.

Фашисты и национал-социалисты как в теории, так практике, придавая решающую роль политике и идеологии, хранили частную собственность на средства производства и рыночные механизмы функционирования экономики. Большевики, которые определяющую роль в теории отводили базису, или экономике, пошли по пути полного обобществления средств производства. Если большевики уничтожили рынок, то национал-социалисты его оседлали, приручили. Гитлер считал более важны социализировать прежде всего человека, а большевики пошли по пути социализации сначала экономики, а потом уже человека. Национал-социализм отвергал саму идею демократии и либерализма, тогда как советский режим декларировал намерение воплотить в жизнь истинно демократические принципы (разумеется, по-своему понимаемые), устранив партийное соперничество. Не случайно, его руководители и приверженцы оперировали понятиями "демократический централизм", "социалистическая демократия", "народная демократия", "демократические принципы" и т.д.

Марксизм ленинизм в теории руководствовался коммунистическим идеалом построения совершенного и справедливого общественного строя. Нельзя забывать и то, что в течение определенного, хотя по историческим меркам краткого, периода коммунистический идеал стал руководством к жизни почти для 40 % современного человечества. Однако немаловажно, что для реализации поставленной цели на вооружение были взяты безжалостные, антигуманные средства. Смертный грех большевиков состоит в том, что они дискредитировали великий коммунистический идеал.

При всем том неоспорим факт близости и определенного родства фашизма и большевизма по ряду параметров. Прежде всего не может не обратить на себя внимание почти полная синхронность их появления на исторической арене. Их истоки — в самом начале нынешнего столетия, а в полный голос они заявили о себе во втором и начале третьего десятилетия, т.е. в период так называемой великой трансформации капитализма из свой предпринимательского в корпоративный (или, как его у нас до недавнего времени именовали, государственно-монополистический капитализм. Не вдаваясь в подробности, отметим что большевизм и фашизм выступили в качестве соответственно левой и правой альтернатив центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере. За короткий период из незначительных групп они превратились во влиятельные общественно-политические движения, которые сумели подчинить своему господству сотни миллионов людей из многих стран.

Важным объединяющим эти альтернативы началом было то, постулировали цель реализации социалистических принципов - разумеется, в собственном понимании: интернационального и националистического. Особенно в начальный период предатели фашизма и большевизма склонны были открыто признавать эту близость. Так, Н.Бухарин на XII съезде РКП(б) в 1923 г. отмечал [26]:

...характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было другая партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской практики и специального русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия определенной системы бросания своих сил, "учраспредов", мобилизаций и т.д и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами.

Гитлер же в беседах с Г. Раушнингем настойчиво подчеркивал, что он научился у марксизма и марксистов методам политической борьбы. Более того, он утверждал [59, с. 148]: "Национал-социализм это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством".

И действительно, фашизм и большевизм имели ряд близких или общих по своему функциональному системообразующему, методологическому назначению элементов. Это, в частности, единая всеохватывающая цель (хотя у каждого из них она существенно отличается по своему содержанию); господство одной революционной партии нового типа; моноидеология, отвергающая другие идеологии; сходные средства и методы достижения идеальных целей; слияние в единое целое партии, государства и общества; политизация всех без исключения сфер жизни; физический и моральный террор и т.д. Именно эти характеристики, которые более или менее подробно будут проанализированы ниже, позволяют оценивать фашизм в разных его вариантах и марксизм-леннизм в его большевистской интерпретации как два противоположных проявления или два альтернативных (правого и левого) варианта особого общественно-исторического феномена - тоталитаризма.

При этом необходимо подчеркнуть, что выделяемые признаки и характеристики тоталитаризма надо понимать в идеально-типическом смысле, а не как точное отражение реальной ситуации в обществе, поскольку в общем и целом как в гитлеровской Германии, так и в сталинском Советском Союзе даже в самом апогее тоталитаризма вряд ли было бы правомерно говорить о всеобщей тотализации сознания. В реальной жизни все было значительно сложнее. Естественно, если люди поставлены перед выбором свобода или хлеб, что по сути зачастую означает выбор между свободой и голодной смертью, то большинство из них выберет хлеб. Но это при жестком императивном выборе. Однако все же, как сказано в Святом Писании, "не хлебом единым жив человек". Если бы это было не так, то человек до сих пор не вышел бы из пещер каменного века или же царство самого Великого инквизитора было бы вечным. Спора нет, хлеб нужен человеку как воздух, и он приговорен к тому, чтобы в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный. Тем не менее опыт нашей страны убедительно показывает, что зло само по себе, в каких бы обликах оно ни выступало, не способно окончательно ликвидировать божественный образ в человеке, возратить его в тварное состояние. Стремление к свободе и утверждению истинно человеческого начала неистребимо. Поэтому неудивительно, что в самые мрачные времена тоталитаризма при всех искажениях сознания, приоритетов, миропонимания и т.д. были миллионы и десятки миллионов людей, которые честно и зачастую самоотверженно тянули свою лямку, служили своей родине, людей, значимость которых всегда остается величиной постоянной, инвариантной. Поэтому было бы неправильно и непредусмотрительно вынести огульный приговор всей семидесятилетней истории страны и всем тем, кому выпала незавидная доля быть героями, персонажами и просто участниками этой истории.

К тому же нельзя забывать, что тоталитарные режимы были подвержены определенным изменениям. О более или менее чисто тоталитарном режиме в Советском Союзе, по-видимому, корректно говорить применительно к сталинскому периоду, охватывающему конец 20-х — первую половину 50-х годов. В последующие годы имела место постепенная "либерализация" режима, связанная с отказом от наиболее одиозных форм контроля над умами людей и террора. Перейдем к анализу важнейших элементов и характеристик тоталитаризма.

8.3. Аннигиляция традиции

Популярно мнение, что большевистский режим в СССР и нацистский рейх в Германии коренились в национально-исторической традиции двух стран и в сущности представляли собой противостояние их истории в новых условиях. Такое мнение, верное в принципе, нуждается в существенных оговорках. Разумеется, объективно ни один народ не может убежать от своей истории, и в прямом смысле на обоих режимах лежала родовая печать национально-исторических традиций немецкого и российского народов, их культуры, самосознания, религии и т.д. К тому же у руководителей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма не было недостатка в заверениях о своей приверженности историческому началу. Более того, именно себя они выдавали за истинных наследников и продолжателей дела наиболее достойных, на их взгляд, предков и радетелей национальной культуры, величия и традиций. Гитлер и его приспешники любили выставлять свои идеи и планы как возврат к истории, как восстановление прерванной цепи времен. Так, рассматривая в качестве исходного рубежа период, когда германцы отеснили славян к Востоку, Гитлер утверждал [125, с. 35]: "Таким образом, мы, национал-социалисты, начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановили бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратили наш взор на земли, расположенные на востоке". Что касается руководителей большевизма, то они претендовали на Реализацию всего лучшего и прогрессивного в историческом наследии не только народов России, но и всего человечества.

При всем этом общеизвестно, что оба варианта тоталитаризма, во всяком случае в идеологии и пропаганде, отстаивали претензии на разрушение старого мира "до основания" и построение на его обломках нового мира в соответствии со своими фактически искусственно сконструированными моделями.

Сущностной характеристикой тоталитарной системы является ориентация на слитность, тотальное единство всех без исключения сфер жизни в обществе. Это, в частности, проявилось в отрицании тоталитаризмом важнейшего, можно сказать центрального элемента современной западной цивилизации — гражданского общества и его институтов, составляющих фундаментальные аспекты человеческого бытия. Как говорилось выше, гражданское общество является средоточием множества разнообразных конкурирующих друг с другом центров и источников

власти и влияния, обеспечивающих свободу реализации возможностей каждого отдельно взятого индивида, прежде всего свободу экономического выбора. Исторический опыт как демократических, так и тоталитарных систем показал, что не может быть личной свободы там, где нет разнообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора. Очевидно, что контроль над важнейшими ресурсами общества, как материальными, так и нематериальными, будет находиться у тех, в чьих руках сосредоточен контроль над экономической властью. Как подчеркивал Ф.фон Хайек [75, № 11, с. 134], "идея централизованного планирования заключается в том, что не человек, но общество решает экономические проблемы, и, следовательно, общество (точнее, его представители) судит об относительной ценности тех или иных целей". Там, где нет свободы экономического выбора, а единственный работодатель — государство (или при национал-социализме — всецело преданные режиму или полностью контролируемые им частные предприятия), не может быть и речи о свободном политическом, интеллектуальном и каком-либо ином волеизъявлении людей. Собственность, принадлежащая государству или жестко им контролируемая, неизбежно политизируется, поскольку она порождает монополию власти, подчиняющей себе все рычаги политики и экономики, сливающихся в единое целое. Что касается самой собственности, то она становится обезличенной, надындивидуальной, отчужденной. Более того, и собственность, и экономика оказываются не просто политизированными, а политизированными при существенной милитаризации их важнейших компонентов и характеристик

Человек — это абстракция, некая умственная конструкция если пренебрегать такими характеристиками, как раса, пол, возраст, нация, культура, вера и т.д. Не случайно идеологи и вожди тоталитаризма ставили своей целью трансформацию экономических, социальных,

социокультурных, духовных отношении, убеждений, ценностей, установок людей. Более того, ставилась задача сознательной и целенаправленной переделки самого человеческого бытия. С этой точки зрения тоталитаризм в отличие от всех форм традиционного деспотизма, абсолютизма и авторитаризма является феноменом XX столетия. Для последних при всех их различиях было характерно господство традиции, обычая, предания и т.д., власть занимала подчиненное по отношению к ним положение, она основывалась на традиции. Единство в традиционном обществе зиждилось на укорененности в общественных структурах — семье, общине, родственных связях, племени, этнонациональном сообществе, церкви и т.д. Люди, порой занимая чуть ли не рабское положение по отношению к власти имущим, все же находили опору в этих структурах.

Традиция представляет собой механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Поэтому не приходится удивляться, что тоталитаризм ставит в качестве одной из своих главных целей аннигиляцию традиций. Эта установка выражалась в переименовании древних названий городов, улиц, проспектов, музеев и т.д., в ограничении доступа к определенным видам исторической и критической литературы, в отказе от некоторых "устаревших" традиций в области архитектуры, живописи, скульптуры, театра, от отдельных праздников, обычаев народной жизни, которые будто бы противоречили новым культурным традициям, мешали им нормально складываться и развиваться. С этой точки зрения тоталитаризм отличает своеобразная амнезия исторической памяти, своеобразный манкуртизм. Одной из важнейших предпосылок и условий тоталитарной системы является размытие, а то и элиминация традиционной социальной стратификации, достижение культурной, социальной, нравственной, даже этнонациональной (в теории) однородности путем уничтожения всех объединений, организаций, которые могли служить для человека референтными группами, таких, как нация, соседская и родственная общины, церковь, реальные, а не официальные организации, союзы, ассоциации, сословия, классы и т.д. Тоталитарная система разрывает все органические корни, связывающие отдельного человека с обществом, она строится на предельной унификации всех связей человека, выставлении на всеобщее обозрение самых неприкосновенных сторон и аспектов частной жизни. Единственной референтной группой для отдельного человека остается государство. Здесь, пожалуй, в наиболее наглядной форме и во вселенском масштабе был реализован принцип "разделяй и властвуй". "Религия и национализм, — писал Э. Фромм [74, с. 26], — как и любые обычаи, любые предрассудки — даже самые нелепые и унижительные, — спасают человека, связывают его с другими людьми, от самого страшного — изоляции".

Идеологи и вожди тоталитаризма, сознавая это, сделали для того, чтобы фрагментировать и атомизировать общество, лишить человека унаследованных от прошлого социальных и иных связей и тем самым изолировать людей друг от друга. В результате каждый отдельно взятый индивид остается один на один с огромным всемогущим аппаратом принуждения.

8.4. Тоталитарные перевоплощения интернационализма и национализма

Как известно, одной из важнейших традиционных опор, на которых базируется личность, тем зеркалом, через которое индивид создает себя членом общества и приобретает чувство самости является нация. Симптоматично, что правый и левый варианты тоталитаризма, подойдя к этой проблеме, казалось бы, с противоположных позиций, сумели использовать ее каждый по-своему для утверждения тотального господства государства.

С определенными оговорками можно сказать, что маркер является ровесником национальной идеи и понимаемого широко (и не только сугубо негативно) национализма. С этой точки зрения он представляет собой не только вызов классической политической экономии, не только критику капиталистических производственных отношений, но и критику национализма и религии. Будучи программой освобождения людей от промежуточных образований, мешающих превращению отдельного индивида во "всемирную историческую личность", марксизм постулирует образование пролетариата в качестве силы, трансцендирующей национальные приверженности и действующей на наднациональном уровне. Чтобы подчинить людей выполнению этой цели, ставилась задача разрушить национально-культурные традиции и ценности, оторвать их от национальных корней. Поэтому естествен но, что с самого начала марксизм рассматривал национализм, равно как и религию, в качестве противника, с которым необходимо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

Оценивая национальный вопрос всецело с точки зрения целей классовой борьбы пролетариата, основоположники марксизма исходили из постулата, что любое общество строится на горизонтальных классовых различиях, пересекающих национальные границы и приверженности, и поэтому играющих более фундаментальную роль по сравнению со всеми другими различиями, в том числе и национально-этическими. Была сформулирована идея, согласно которой национализм представляет собой продукт капиталистического развития и ему суждено исчезнуть с исчезновением капитализма. К.Маркс и Ф.Энгельс утверждали, что освобождение пролетариата от капиталистического ига приведет к ускоренному исчезновению национальных различий и антагонизмов. Предполагалось, что с установлением господства пролетариата и по мере утверждения принципов социализма разделение людей по национальному принципу потеряет всякий смысл и оно будет полностью заменено классовым разделением. При этом особо подчеркивалась мысль, что только пролетариат может стать той силой, которая способна выполнить историческую задачу объединения народов в единое целое. Следует отметить, что марксисты, в том числе и русские, вели ожесточенные споры о будущем нации и национальных отношений в условиях перехода к социализму и в ходе социалистического строительства. Но при всех спорах о федерализме, автономизации, реализации права наций на самоопределение вплоть до полного отделения В.И.Ленин и его сподвижники в целом сохраняли убежденность в том, что в процессе социалистического строительства социально-экономические и национально-культурные различия между регионами, национально-государственными образованиями постепенно будут сглажены и в конечном счете преодолены и это создаст условия для победы интернационального начала над национальным.

Марксизм-ленинизм по самой своей сути не мог принять национальную идею, национальное начало, тем более национализм, поскольку они рассматривались (и были таковыми) как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы. Поэтому не удивительно, что предложенная коммунистами программа имела целью по сути дела сознательную, принудительную систематическую переделку самой природы этноса, этнонационального. Такая цель обусловлена, собственно говоря, самой установкой на большевизм и советизацию всех аспектов жизни огромной многоликой империи, ее государственно-административной системы, культуры, социальной сферы и т.д., даже реалий быта. Как известно, правители Российской Империи довольно терпимо относились (либо смотрели на это сквозь пальцы) к сохранению во многих этнонациональных образованиях традиционных форм и органов управления, вероисповедания и т.д. Большевизация и советизация предполагали уничтожение всего этого и жесткую унификацию и стандартизацию всего и вся по меркам, оставленным в центре. С этой точки зрения все нации и народности оказались действительно равны. Как бы игнорируя законы общественно-исторического развития, предписывающие каждому народу свой собственный путь и собственное место в обществе, называемом человеческим, была поставлена задача осчастливить многие народы, оставшиеся при феодализме, путем перенесения их в социализм, минуя капитализм, а те народы, которые "застряли" в родоплеменных отношениях, приобщить к благам социализма, минуя и феодализм, и капитализм. Широкомасштабные репрессии и выселение наиболее трудолюбивой прослойки населения из деревни под лозунгом ликвидации кулачества как класса, вынужденное переселение людей из деревни в город или отдаленные регионы страны вели к подрыву питательных корней, вековых устоев национального образа жизни, ослаблению приверженности к труду, родному очагу, национальной истории. В итоге советские люди были объявлены членами совершенно невероятного и парадоксального образования — интернационального народа, безнациональной нации — "новой исторической общности".

Еще более парадоксальным представлялось то, что идеология интернационализма, приобрела уже в своеобразно перевернутой форме функции идеологии национализма. Этому в значительной степени способствовали интересы и потребности сохранения России как единого государства в условиях возрождения сепаратистских устремлений отдельных национальных регионов внутри страны и постоянной угрозы внешней интервенции, создавшей атмосферу осажденной крепости. Идеология интернационализма по существу оказалась поставленной на службу государственных интересов. Ее функции были аналогичны тем, которые национализм выполнял в идеологии германского нацизма. Не случайно, что понятия антикоммунизма и антисоветизма стали в некотором роде синонимами, а ключевым элементом пролетарского национализма считалась поддержка политики Советского Союза.

В идеологии фашизма произошло органическое слияние социализма и национализма, что в итоге дало основание А.Гитлеру и его сподвижникам говорить о национал-социализме. Здесь

интерес представляет определение социалиста, которое дал Гитлер в одном из своих выступлений в 1922 г. [77, с. 114]: "Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн "Германия превыше всего" в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом". Очевидно, что в рассматриваемом аспекте марксизм-ленинизм и фашизм придерживались диаметрально противоположных позиций. Воинствующий расизм и национализм последнего общеизвестны. Укажем лишь, что в методическом плане утверждения тоталитарных структур и ментальности они сыграли роль, аналогичную той, которую сыграли теория классовой борьбы и идея интернационализма в марксизме-ленинизме. Подобным же образом расизм и национализм были превращены в универсальные системо-образующие установки, определяющие строй действий и мыслей всех членов общества. С самого начала фашизм рассматривал нацию как некий синтез всех без исключения материальных и духовных ценностей, имеющий приоритет перед отдельным индивидом, группами, слоями, классами. Как утверждал Гитлер в своем выступлении перед промышленниками в 1932 г. [38, с. 116], определяющее значение имеет "осуществление волеизъявления нации, ибо только это волеизъявление может быть исходной точкой для политических выступлений". Еще более определенно и недвусмысленно он говорил об этом на Нюрнбергском конгрессе НСДАП в 1938 г. По его утверждению, чтобы закрепить "чудо германского воскресения", начатое в 20-х годах, партия должна объявить безжалостную войну классовым и сословным предрассудкам. Она должна позаботиться о том, чтобы независимо от рождения и происхождения сильный волей и талантливый немец мог найти доступ к высшим степеням социальной лестницы. Стало быть, важное место в фашистской идеологии отводилось уничтожению всех классов, но в отличие от марксизма-ленинизма, предполагавшего осуществить это на основе пролетарского интернационализма, приверженцы фашизма пытались достичь эту цель путем подчинения всего и вся сугубо национальному началу. В отличие от "буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения", откровенничал Гитлер, идея национал-социалистического "народного государства" оценивает "значение человечества в его базовых расовых терминах" [125, с. 311—363]. Поэтому, продолжал он, эта идея отвергает равноправие рас и, признавая существование высших и низших рас, считает необходимым содействовать торжеству первых. Она не может признать право на существование каких-либо этических идей, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Поэтому естественно, что краеугольным камнем тысячелетнего Третьего рейха была провозглашена идея сохранения чистоты арийской расы, а нового порядка для остального Мира — идея господства арийской расы. Деятельность основополагающих общественных институтов всецело подчинялась этой Универсальной задаче. Как считал Гитлер [77, с. 115], семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче — увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача. О каком человеческом роде и о Какой расе шла речь, вряд ли есть смысл напоминать. Важной характеристикой фашистской идейно-политической конструкции стало отождествление, органическое слияние понятий "нация" и "национальное государство". Государство рассматривалось как юридическое воплощение нации, наделенное ответственностью за определение ее природы, целей и интересов в каждый конкретный исторический период. Как считал Гитлер, государство не имеет ничего общего с экономикой, поскольку оно есть не экономическая, а расовая организация [125, с. 107]. В результате, по справедливому замечанию Р.Фарначчи [109, с. 265] фашизм отождествлял общество с нацией, нацию с государством экономическую деятельность с политической деятельностью. Таким образом, начав, казалось бы, с прямо противоположных позиций, Гитлер и его сподвижники пришли к выводу, по своему функциональному значению близкому позиции большевиков. Только если у последних в качестве субъектов смертельной схватки выступали классы, то у нацистов демаркационная линия проходила между немецким народом, с одной стороны, и остальным миром — с другой. Как верно подметил В.Н.Ильин, "языческий национализм, красный интернационализм" при всех необходимых оговорках оказались поставленными на службу идентичным целям — обоснованию и идеологическому обслуживанию фашистского и большевистского режимов.

8.5. Политический и идеологический монизм

Выше отмечалось, что в тоталитарной политической системе практически исчезает разделение между государством и гражданским обществом. Государство доминирует над обществом. Здесь

фашизм и большевизм, отправившись с противоположных полюсов идейно-политического спектра, пришли к одному результату. Так, если первые с самого начала высшей ценностью считали государство, то приверженцы второго отстаивали неизбежность его исчезновения (во всяком случае в теории).

Фашистские теоретики исходили из того, что любая форма организованной, автономно ассоциированной жизни воодушевляется государством. Формальным элементом в государстве является его суверенная политическая и юридическая власть. Фашистские теоретики, например С.Нунцио, признавали, что организованные ассоциации в рамках государства могут формулировать правила регулирования взаимоотношений между своими членами, но эти правила будут эффективны лишь в том случае, если они санкционированы государством. Все ассоциации и организации в государстве пользуются автономией постольку, поскольку они способны управлять своими внутренними делами. Но тем не менее государство является единственным и конечным источником власти, так как оно обладает исключительным правом использования насилия. Тем самым фашисты фактически отвергали кале бы то ни было ограничения на политический и юридический суверенитет государства. Государство по своей сути интегрально и тотально, в его рамках нет места частному в отрыве от публичного. Эта идея нашла доктринальное выражение в следующем афоризме Муссолини: "Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства".

С этой точки зрения интерес представляют меры, предпринятые Гитлером уже на первом году своего пребывания у власти. Так, 4 апреля 1933 г. был введен запрет на свободный выезд граждан из страны, а также выездные визы; 11 апреля — день 1 мая объявлен Праздником национального труда; 14 апреля 15 % профессоров изгнаны из университетов и других учебных заведений; 7 мая произведена "чистка" среди писателей и художников, опубликованы "черные" списки не (истинно) немецких писателей"; 22 сентября издан закон об "имперских культурных гильдиях" писателей, художников, музыкантов, который вводил фактический запрет на издание, исполнение, выставки всех тех, кто не являлся членом гильдии, а 1 декабря — закон об обеспечении единства партии и государства и т.д.

Нечто подобное было целенаправленно осуществлено и в нашей стране с приходом к власти большевистской партии в 1917 г. Уже в начале 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Этот акт положил начало уничтожению или подчинению большевиками всех независимых институтов и небольшевистских партий. Годы военного коммунизма стали периодом установления политической диктатуры. Постепенно сворачивалась издательская Деятельность, запрещались все небольшевистские издания, подвергались аресту руководители оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона. Все более растущую власть приобрел политический сыск в лице ВЧК и ее преемниц, под полный Контроль большевистской партии были поставлены профсоюзы. Процесс закрепления и ужесточения диктатуры приобрел особенно широкий размах с приходом к власти И.В.Сталина.

В итоге для обоих вариантов тоталитаризма стали характерны Полное доминирование государства над обществом, элиминация различий между государством и обществом. Более того, и общество, и государство были фактически поглощены господствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших органов партии и государственной власти. Логическим завершением этого является превращение партии фактически в стержневой элемент государственной структуры.

Показательно, что, отвергая саму возможность примирения с существованием каких бы то ни было "марксистско-демократических центровых" или иных партий, Гитлер и другие руководители Третьего рейха исходили из того, что именно партии со своими особыми, конфликтующими друг с другом про. граммами и стратегиями повинны в развале Германии и, естественно, не могут стать фактором ее возрождения. Отсюда Гитлер делал вывод: "пока будет существовать национал-социалистическое государство, будет существовать национал-социалистическая партия. Пока будет существовать национал-социалистская партия, не может быть ничего иного в Германии, кроме национал-социалистского государства". Симптоматично, что, провозгласив "вечность" своей партии, Гитлер декларировал в 1935 г. [38, с. 138]: "Партия есть моя частица, а я — часть партии".

"Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим партия, подразумеваем — Ленин". Всем нам знакомы эти слова. Но вслед за известным поэтом мы могли бы с равным основанием сказать: "Мы говорим партия, подразумеваем — государство, мы говорим государство, подразумеваем — партия". Не случайно ведь в Конституции СССР было зафиксировано положение, сформулированное в ее шестой статье, согласно которой КПСС является ядром политической системы СССР. Нельзя не отметить, что как фашизм (предельно откровенно), так и большевизм (в более завуалированной форме) в дополнение и осуществление партийно-

государственной диктатуры проповедовали и широко практиковали авторитарную власть фюрера — вождя. Этот принцип в качестве руководства для себя недвусмысленно сформулировал Гитлер: "...власть начальника над подчиненным и подчинение нижестоящих вышестоящим". На X съезде ВКП(б) В.И. Ленин высказал мысль о том, что диктатура пролетариата — слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату. Он часто говорил, что "диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию большевиков".

Ленин шел значительно дальше этой констатации, обронив как-то фразу, в предельно сжатой форме отражающую суть большевистской системы власти [59, с. 272]: "Советский социалистический демократизм осуществляется единолично и диктатуре нисколько не противоречит, ... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим". Поэтому не случайно, что З.Бжезинский и К.Фридрих называют тоталитарную диктатуру "автократией, основанной на современной технологии и массовой легитимизации" [99, с. 4].

Партийному монизму соответствует монизм идеологический, который пронизывает всю иерархию властных отношений сверху донизу — от главы государства и партии вплоть до самых низших звеньев власти и ячеек общества. Так, в сталинском варианте тоталитаризма марксизм-ленинизм стал идеологической основой партийно-государственного режима. Обосновывался тезис, согласно которому большевистская партия, возглавившая классовую борьбу трудящихся и угнетенных, начала и совершила пролетарскую революцию и приступила к социалистическому строительству, тем самым проложив путь к светлому будущему — коммунизму. Следовательно, именно ей должна принадлежать вся полнота государственной власти. Такая позиция мало чем отличается от позиции руководителей и идеологов фашизма, которые считали, что исключительно НСДАП вправе быть единственным носителем власти и вершителем судеб Германии.

В этих двух главных разновидностях тоталитаризма все без исключения ресурсы — материальные, человеческие или интеллектуальные, были направлены на достижение одной универсальной цели: тысячелетнего рейха в одном случае и светлого коммунистического царства всеобщего счастья — в другом. Единая универсальная цель обуславливает единую идеологию — государственную и сконструированные на ее основе политические ориентации, установки, принципы, которые с помощью разветвленной сети средств массовой информации и пропаганды, семьи, школы, церкви и т.д. настойчиво внедряются в сознание широких масс, призваны обосновывать и объяснять действительность в терминах этой цели, преодолевать препятствия, стоящие на пути ее достижения. Все, что не согласуется с единомыслием в отношении данной цели, предается анафеме и ликвидируется. В результате все разногласия в обществе расцениваются как зло, которое следует вырвать с корнями. В силу своей органической связи с политической борьбой споры марксизма-ленинизма и национал-социализма с другими философскими школами, идейными течениями и общественно-направленными неизменно приобретали политическое содержание. Это определяло нетерпимость приверженцев тоталитаризма к позициям и аргументам оппонентов — представителей других течений и направлений, фанатичность в отстаивании собственных позиций и принципов. Отсюда провозглашенный большевиками принцип "Кто не с нами — тот против нас" или "Если враг не сдается, его уничтожают". В подобном же духе в одном из своих выступлений в 1925 г. Гитлер говорил, что в борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его.

Тоталитарное государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Она была превращена фактически в государственную религию со своими догматами, священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т.д.), литургией и др. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н.Бердяева, "обратная теократия".

Поэтому естественно, что марксизм, рассматриваемый как завершение всей мировой философии, был выведен из-под критики, а его положения сделаны критериями оценки всех остальных философских систем. Уже Ф.Энгельс, а затем наиболее преданные последователи основоположников марксизма заложили прочный фундамент позиции, ставящей К.Маркса вне критики и тем самым делающей его неприкосновенным пророком нового учения. Ф.Энгельс, например, писал [43, т.35, с. 187]:

Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что, если бы кто-либо попытался

критиковать его открытия, он только обжегся бы при этом. Это возможно будет только для людей более развитой эпохи.

Таким образом, Маркс приобретал как бы статус святого отца церкви, а его произведения — статус священного писания, не подпадающие под общепринятые правила и нормы рационального критического анализа. Что касается марксизма-ленинизма советского периода, то он приобрел атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом. Статус религиозной веры с существенными элементами мистицизма и даже спиритуализма приобрела фашистская идеология, особенно в ее нацистской ипостаси. Ее священными книгами стали работа "Основы девятнадцатого века" Х.С.Чемберлена, которую гитлеровская газета "Фёлькишер беобахтер" в 1925 г. назвала евангелием нацистского движения, "Миф двадцатого века" А.Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стояла "Майн кампф" Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы "тысячелетнего рейха". Показательно, что почти во всех немецких семьях она выставлялась на почетное место в доме, считалась почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и школьнику после окончания учебы. Касаясь отношения широких масс к самому Гитлеру, газета "Франкфуртер цайтунг" писала в 1934 г. [38, с. 142]: "Из масс поднимается почти не воспринимаемый, но весьма влиятельный коллективный флюид. Это есть тот поток, который производит "германское чудо". Этот поток встречается с невидимыми волнами, которые исходят от самого Гитлера. Эта игра обмена душевными силами заменила в Германии партийный парламент... Не в голосованиях, а в живых» определяемых чувством связях между вождями и последователями, укрепляемых такими встречами с народом, находится политический центр тяжести нового государства".

Тоталитарные варианты политической философии постулируют идентичность индивидуальных и коллективных целей, обещая, что нормальные цели индивидуальных людей будут реализованы по мере выполнения целей народа, нации, страны, государства и т.д. "Совершенному обществу, — писал Н.Новгородцев [51], — приписывается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку и полноту бытия и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозные стремления, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний". Отсюда вытекает, что совершенствование людей связано с постоянным совершенствованием общества на основе соответствующей идеологии.

8.6. Террор как сущностная характеристика тоталитаризма

Неизменным атрибутом тоталитаризма является тесная взаимосвязь между истиной и силой: здесь сила определяет истину. "Учение Маркса всецело потому, что оно верно", — говорил В.И.Ленин. Аналогичным образом рассуждали о своем учении и идеологи нацизма. В действительности же идеологии и марксизма-ленинизма, и нацизма были верны, потому что они всецелы, потому что они опирались на фундамент карательной террористической машины, мощного пропагандистского аппарата и все аксесуары тоталитарно-диктаторского государства. Нацистские лагеря смерти и советский ГУЛАГ составляют сущностную характеристику тоталитаризма. В качестве особых политических конструкций они уникальны в своей способности комбинировать жестокость с рационализмом, ненормальное с нормальным, злое начало с банальным. Отличительная особенность тоталитарного режима состоит в том, что здесь террор и страх используются не только как инструмент уничтожения и запугивания действительных или воображаемых врагов и противников, но и как нормальный повседневный инструмент управления массами. С этой целью постоянно культивируется и воспроизводится атмосфера гражданской войны. Террор развязывается без какой-либо видимой причины и предварительной провокации. Так обстояло дело в нацистской Германии, где террор был развязан против евреев, т.е. людей, объединенных определенными общими расово-этническими характеристиками независимо от их поведения. В Советском Союзе в отличие от нацистской Германии руководство никогда не признавало, что оно может использовать террор против безвинных людей. Но тем не менее и здесь террор служил инструментом уничтожения так называемых классовых врагов, или врагов народа.

Тоталитарность тоталитарного режима в чистом виде состоит не только в том, что партия, какая-либо клика или фюрер, вождь устанавливают всеохватывающий контроль над всеми сферами общественной жизни и государством, как бы полностью поглощая их, но и в том, что подавляющая масса населения чуть ли не свято верит в основные цели, установки, ориентации, постулируемые партийным руководством или фюрером-вождем: обе стороны по сути слиты в тотальном единстве для достижения универсальной цели. С этой точки зрения сталинский

режим в нашей стране и национал-социалистский в Германии можно считать чисто тоталитарным.

В тоталитарной системе нередко логика абсурда одерживает верх над логикой здравого смысла. Фиктивная, иллюзорная, искусственно сконструированная действительность ставится на место реальной действительности. Это достигается либо произвольной трактовкой фактов в угоду политической и идеологической конъюнктуре, либо их игнорированием. Тоталитарное государство и его руководство нуждаются в постоянном обосновании своей легитимности и даже непогрешимости. Отсюда — потребность в постоянном перекраивании как прошлого, так и настоящего в зависимости от поворотов политического курса руководителей партии и государства.

Важнейшим показателем проникновения этих начал во все сферы повседневной жизни является так называемый новояз, который, как говорил Дж.Оруэлл, представляет собой "лингвистический эквивалент основной идеи официальной идеологии". Хотя новояз — литературное изобретение Дж.Оруэлла, он является реальностью. Суть этого феномена состоит в почти полной замене реального мира неким подобием сюрреалистического, абсурдного видения мира, в котором все перевернуто с ног на голову, где поистине дважды два равно пяти. В повседневной жизни нужно приспосабливаться к иррационализму языка, на котором речь о мире скорее скрывает, чем объясняет реальное положение вещей. Это порождает своеобразный двойной стандарт в жизнедеятельности и поведении тоталитарного человека. Он как бы раздваивается, приобретает двойное дно. В отношении разного рода политических и иных решений и постановлений, принимаемых высшими государственными и партийными инстанциями, у людей вырабатывается нечто вроде устойчивого иммунитета: выражая горячее и единодушное одобрение на словах, они проявляют в отношении этих решений и постановлений холодное безразличие или далее резкое их неприятие на деле. Появляется, становится массовым феномен, названный Дж.Оруэллом двоемыслием или мыслепреступлением. Это в сущности означает уже начало конца тоталитаризма в его "чистом" классическом виде.

8.7. Тоталитарный человек и государство

Антропологический компонент тоталитаризма состоит в стремлении к полной переделке и трансформации человека в соответствии со своими идеологическими установками. Важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой онтологии, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром. В 1941 г. Дж. Оруэлл писал:

Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. <Причем> контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выразить - даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать, создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывают ей образ мысли и поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуться в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений.

Более того, ставится задача полной трансформации человека, Конструирования нового типа личности — некоего homo totali-taricus с особым политическим складом, особой ментальностью, Мыслительными и поведенческими характеристиками и т.д. — путем стандартизации, унификации индивидуального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некоему среднестатистическому знаменателю, стерилизации или во всяком подавлению индивидуального, личностного начала в человеке.

Пожалуй, предельно ясно позицию марксизма-ленинизма по этому вопросу сформулировал В.Маяковский, который декларировал в поэме "Владимир Ильич Ленин": "Единица, кому она нужна? Голос единицы тоньше писка. Кто ее услышит? Разве жена... Единица — вздор, единица ноль". На смену индивидуальности, предполагающей разнообразие, оригинальность отдельной личности, приходит тип, предполагающий однообразие, однозначность, стирание индивидуальных особенностей.

Следует особо подчеркнуть, что тоталитаризм как особый общественно-политический феномен невозможен без массовой базы, растворения отдельного индивида в массе, толпе. Он никогда не мирится с управлением только с помощью внешних средств, а именно государства и механизма физического насилия. В отличие от всех остальных движений и общественных феноменов тоталитаризм предполагает полную и безусловную лояльность индивидуального человека общества режиму, партии или вождю. Тоталитаризм открыл для себя средства господства и

терроризирования людей изнутри. Здесь вождь-Фюрер и массы слиты в неразрывном единстве: вождь-фюрер зависит от масс в такой же степени, в какой они зависят от него, без него они останутся аморфной толпой, лишенной внешнего представительства. В свою очередь сам вождь-фюрер без масс — ничто.

Масса — это особое образование. Она не обязательно предполагает некоторое собрание множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции человек может принадлежать к толпе, массе, не выходя из собственной квартиры. Масса, как отмечал Х.Ортега-и-Гассет, не то же самое, что, скажем, рабочие, пролетариат. Сущностная ее константа — это средний, заурядный человек. В этом смысле масса как скопление множества людей или количество людей приобретает качественные параметры социально типического. Заурядность, среднестатистичность становятся общими социальными признаками человека без индивидуальности. Важнейшая характеристика этого типа человека — его убеждение, уверенность в своем совершенстве. Личность, человек как индивидуальность или, скажем иначе, элитарный человек ("элитарный" в смысле высокого интеллектуального полета или глубины проникновения в сущность вещей, что возможно и на обыденном, рассудочном уровне, уровне простого человека) не убежден ни в своем совершенстве, ни в совершенстве мира. Этот тип человека не мыслит себе жизнь без служения чему-то высшему — обществу, людям вообще, благородному в его понимании делу и т.д. Его жизнь подчинена самодисциплине, что предполагает требовательность прежде всего к самому себе, ответственность за свои действия. Совершенно иное дело "человек массы". Назвав синдикализм и фашизм странным явлением, Х.Ортега-и-Гассет усматривал их "странность" не в том, что они новы, а в тех формах, какие они принимают, в стиле поведения и действия их приверженцев. Под их маркой, писал Ортега-и-Гассет [12], "в Европе впервые появился тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни далее перед самим собой". Стремясь во что бы то ни стало, любой ценой достичь своих целей, он присваивает себе "право действовать без всяких на то прав". В таком поведении раскрывается природа нового человека массы, не способного к идейному творчеству, но желающего иметь собственные "идеи" и "мнения".

Названные характеристики человека массы способствуют развитию тенденции к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности и уверенности людей и общества в целом в своей непогрешимости. Они буквально перестают видеть в реальном воплощении окружающий их мир и смотрят на него через черно-белые очки. Для обозрения внешнего мира, вместо того чтобы смотреть в окно, они предпочитают смотреть в зеркало. Что человек склонен к самообману, нежеланию знать всю правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного бытия. Зачастую, убегая от правды, люди могут предаваться всякого рода иллюзиям, внешней мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья.

Ареал распространения такого типа человека вовсе не ограничивается низшими и даже средними этапами социальной иерархии. Более того, тоталитарная система создает оптимальные условия для восхождения торжествующей посредственности к самым вершинам власти и авторитета. Господство посредственности, человека массы не только не ослабляет, а, наоборот, до гипертрофированных масштабов поощряет и стимулирует стремление людей к постам, чинам, должностям, продвижению вверх по служебной лестнице. Чинопочитание и возжеление чинов и наград стали по сути дела интегральной доминантой тоталитарного сознания.

Согласно преданию, киник Антисфен, отрицательно относившийся к афинской демократии, будто бы советовал афинянам путем голосования объявить осла лошадью. Когда ему указали на нелепость этого, он будто ответил: "У вас ведь может при помощи простого поднятия рук стать полководцем человек, который ничему не учился". Это в полной мере относится и к тоталитарной системе, где, собственно говоря, не обязательно поднятие руки: достаточно желания большого или малого вождя (в зависимости от масштаба), чтобы объявить, подобно одному римскому императору, коня сенатором.

Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одно. мерного взгляда на вещи обычно облегчается у лиц, не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры. Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность. Оторванность от корней, отсутствие или нехватка ощущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей. Когда человек чувствует себя неуверенно в своей профессии, им можно

управлять, помыкать, заставлять смотреть в рот начальству, проявлять ретивость и приткось в исполнении указаний, забыть о щепетильности в отношении морально-этических норм и т.д. В то же время такой человек обладает "среднеобразовательным" уровнем, что позволяет использовать его на любых участках работы. Причем и соискатель места среди "избранных" при всех поворотах и зигзагах внутри- и внешнеполитического курса партии и правительства должен иметь под рукой готовые формулы и аргументы для идеологического обоснования и обеспечения этих поворотов и зигзагов. Симптоматично, что такие люди, завидно "динамичные" и подвижные, обладали удивительной способностью замещать любые должности. Сегодня он мог находиться в кресле директора института, занимающегося проблемами Востока, а завтра с необыкновенной легкостью пересест в такое же кресло в институте, занимающемся проблемами Запада, а оттуда взлететь на высшие этажи государственной власти, чтобы и там решать самые сложные проблемы невероятно широкого диапазона.

В целом тоталитарный тип — это государственный человек, преданный государству и всецело зависящий от него. Если большевистскими идеологами этот тезис на словах отрицался, то фашистские идеологи его тщательно разрабатывали и отстаивали. Так, министр юстиции в фашистском правительстве Италии в 1925 г Г.А.Рокко характеризовал социальное и политическое мировоззрение фашизма как "интегральную доктрину социальности". Рокко, частности, утверждал, что фашизм ставит на место "старой атомистической и механической теории, которая лежала в основе либеральных и демократических доктрин, органическую и историческую концепцию". При этом, подчеркивал он, общество вовсе не рассматривается как организм в смысле традиционных "органических теорий государства". По предлагаемой им модели остальные группы получают жизнь и пространство, трансцендирующие жизнь и пространство отдельно взятых индивидов. Поэтому здесь вместо либерально-демократической формулы "общество для индивида" предлагается формула "индивид для общества". В тоталитарном сознании теряется внутренняя связь личности с бытием. Главный просчет тоталитаристов, вознамерившихся создать нового человека, состоял в том, что их проект был основан на отрицании тайны и таинства жизни, включающих в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличностного, божественного также мистиерию греха, греховного начала, отрицания того, что мироздание, а соответственно и жизнь как его интегральная часть полны роковых противоречий, что падшая жизнь, горечь и тленность мира — такие же законные характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа.

Игнорируя эти реальности, тоталитаризм поставил цель добиться единства человека и общества, государства, партии, слитности всех структур общественного бытия. Поскольку не государство существует для людей, а наоборот, люди существуют для государства, то отдельный человек приносится в жертву гражданину, а гражданин в свою очередь — в жертву подданному. Это, естественно, препятствует свободному проявлению общественных сил. Побеждает конформизм, народ превращается в массу, население приобретает атрибуты толпы. Это своеобразное, как говорил Ратенау, "вертикальное вторжение варваров". Чрезмерная опека государства своих граждан наносит непоправимый вред энергии, деятельности и моральному характеру людей. Тот, кем постоянно и настоятельно руководят, в конечном счете отказывается от той доли самостоятельности и ответственности, которой он обладает. В условиях тотального запретительства и опыта тотального Поражения людей в лучших их устремлениях сформировалась личность, страдающая социальной апатией, характеризующаяся иронически-скептическим отношением к миру, чувством отчуждения и т.д. Тоталитарность существенно снижает или же вовсе исключает способность к критическому анализу реалий современного мира, места своей страны в мире, своей социальной или референтной группы, самого себя в реальном социальном окружении.

8.8. Редукционизм и апофеоз конфронтационности

Для тоталитарного сознания характерны крайние схематизм и редукционизм, сводящие все и вся к единственной идее — истине. Такой подход можно назвать политическим мессианством внушающим предопределенный гармонический и совершенный порядок вещей, основанный на одной идее — истине. Наука и искусство, экономика и политика, философия и промышленность мораль и отношения между людьми и многое другое направляются единственной ключевой идеей. При этом достигается некая слитность различных структур — экономических, политических научных и т.д., а цементирующим началом выступает идеология. К примеру, биология и генетика перестают быть самостоятельными научно-исследовательскими

дисциплинами и объявляются средствами в руках буржуазии для порабощения пролетариата и подрыва исторического материализма (у большевиков) или же орудием мирового еврейства и коммунизма для подрыва Третьего рейха (у нацистов). Поэтому не удивительно, что в тоталитарном государстве речь идет не просто о науке, а о немецкой, арийской, социалистической, марксистско-ленинской и иных разновидностях идеологической "науки". Наиболее наглядным проявлением такого подхода к науке в Советском Союзе стал лысенкоизм. Идеологию, основанную на постулате о существовании истинного ключа к прошлому, настоящему и будущему, Т.Лысенко и его сторонники использовали для установления своей монополии в биологии и уничтожения не только неугодных научных теорий но и многих ботаников, морфологов, приверженцев принципов эволюционной теории и т.д. В соответствии с такой установкой тоталитаризм оставляет одну-единственную дверь в будущее. Возникает некая завороченность тоталитаризмом, заставляющая превратно толковать и объяснять все общественные феномены и процессы. Вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира по формуле "абсолютно верное против абсолютно ложного", "добро против зла", "свет против тьмы". Середина отсутствует. Назвав такой подход почему-то революционным фарисейством и считая основным его свойством оптимизм и отрицание первородного греха, В.Н.Ильин писал:

Вина за все преступления и за все зло переносится на какого-либо "козла отпущения" — "вредителя" Этот "козел" торжественно изгоняется сначала в мечтах, теоретически, а потом, в случае осуществления мечты, и на деле.

Обращает на себя внимание характерная как для правого, так левого варианта тоталитаризма деталь — тщательно разработанный образ врага, чужака как какого-то недочеловека, ущербного по своей сущности, некоего ненастоящего, которого не жалко оскорбить, унижить и даже физически уничтожить. По-видимому, определенное пленение сознания людей подобными образами как бы снимало с них моральную ответственность за свои позиции и деяния. Связывая воедино все без исключения политические и иные проблемы, такой подход рано или поздно перерождается в концепцию крестового похода и манихейский мессианизм, основывающийся на резком и бескомпромиссном разделении мира на сферы божественного и дьявольского, проводящий непреодолимую грань между добром и злом, стимулирующий склонность впадать в неумеренный морализм и крайности, что в свою очередь порождает неизбежный конфликт между целями и возможностями их осуществления. Носители тоталитарного мышления склонны быть моральными абсолютистами, разделяющими мир только на белое и черное (у большевиков красное и белое, а у нацистов — коричневое и красное или белое) и требующими на все вопросы немедленного и окончательного ответа. Соответственно все участники "драмы истории" делятся на силы добра, ассоциируемые с тоталитарным режимом, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все 100 % не стоит на страже этого режима. Здесь неукоснительно действует принцип "кто не с нами, тот против нас". В глазах такого фанатика любой несогласный или, что еще хуже, противник оказывается агентом сатанинских сил, которые замышляют грандиозный заговор для уничтожения сил добра. Теория заговора исключает возможность реалистической оценки социальных, исторических или политических факторов. Тот, кто посвящен в заговор, заранее знает весь ход событий, он занимается лишь конкретизацией деталей и этапов прохождения предустановленного течения истории.

Исключая возможность компромисса, теория заговора не оставляет места для сил, занимающих нейтральную позицию. Идти на согласие с теми, кто выступает против вождя и его политического курса, значит порвать с верой и присоединиться к Участникам заговора. За неимением подходящего выражения американский историк Р.Хофстедтер назвал такой подход параноидальным стилем, подразумевая под этим "предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговоре". Отличительной особенностью такого стиля является то, что его приверженцы рассматривают "обширный" или "гигантский" заговор в качестве движущей силы исторических явлений. В их глазах сам "история представляет собой заговор, организованный мощными демоническими силами".

Параноидальный тип склонен рассматривать историю как результат действий отдельных личностей. Он считает, что враг располагает особо важными источниками и рычагами власти, например он контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью "управляемых новостей", обладает неограниченными ресурсами, секретами "промыывания мозгов" или же держат в своих руках власть над системой образования и т.д. Это такой тип, который доводит подозрительность и ненависть до уровня мировоззренческого кредо. Являясь совершенно нормальным человеком в отдельных сферах жизни, например в семье, на работе и т.д., носитель

такого типа сознания способен впадать в крайности и действовать экстремистскими методами в других сферах, например в политике, религии и т.д.

Большевики, поставившие перед собой цель свержения существующей системы, с самого начала вынуждены были действовать как конспиративная партия. Но конспиративность, своего рода эзотеричность, интеллектуальная, идеологическая и политическая закрытость характеризовали большевистскую партию и после завоевания власти. Всю ее деятельность как во внешне-, так и во внутривнутриполитической сфере пронизывали секретность, подозрительность, некий заговорщический комплекс. В результате жизнь советского общества приобрела фантазмагорический, прямо-таки сюрреалистический характер. В глазах большинства советских людей действительность превратилась в некий шабаш врагов, предателей, заговорщиков, саботажников, вредителей и т.д. Другими словами, для них весь мир разделился на два непримиримых лагеря — "мы и они", "друзья и враги", "красное и белое".

В тотальной ментальности, сознательно и целенаправленно воспроизводимой и культивируемой мощным идеолого-пропагандистским аппаратом государства, эти особенности приобретают подавляющую значимость. Все это в совокупности создает условия для формирования homo totalitaricus как весьма странной и парадоксальной амальгамы таких характеристик, как чуть ли не обожествление рекордов и средней производительности; революционной (понимаемой в самом широком смысле) героики, героепочитания и посредственности; слепой веры и крайнего цинизма; вождизма, конформизма и человека-функции.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что понимается под политическими системами тоталитарного типа?
2. Каковы основные признаки авторитаризма?
3. Назовите основные авторитарные режимы.
4. Почему говорят, что тоталитаризм — феномен XX века?
5. В чем состоит сущность тоталитаризма?
6. Назовите основные типы и разновидности тоталитаризма.
7. Какие перевоплощения претерпели в тоталитаризме идеи интернационализма и национализма?
8. Что такое тотальность в тоталитарном государстве?
9. В чем состоит дихотомичность и конфронтационность тоталитарного сознания?
10. Почему тоталитарное общество называется "закрытым"?
11. Что означают идеологический и политический монизм?
12. Почему террор рассматривается как сущностный признак тоталитаризма?